

Спаси-сохрани

A black and white photograph of a man sitting on the floor of a wire cage. The man is shirtless and wearing dark pants. He is looking towards the right side of the frame. The cage is made of metal bars and is illuminated from above, creating strong shadows and highlights. The background is dark, and the overall mood is somber and confined.

Голов Андрей

18+

Андрей Голов

Спаси-сохрани

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69803344

SelfPub; 2023

Аннотация

Человек в клетке – жертва. Потерявший всё – слаб. Сашка оказался спасителем не по собственной воле и получил за это не то, что ожидал.

Андрей Голов

Спаси-сохрани

Сашка прошелся по комнате. Обстановка небогатая: старый сервант; продавленный диван; журнальный столик из девяностых, заваленный газетами со сканвордами, и пара стульев, на которых висела одежда. Когда Сашка с Китаевым открыли входную дверь дома, стало понятно, что богатств они тут не найдут. Но у стариков часто лежат «похоронные», вот на них они с Китаевым и рассчитывали. Братюня Сашки Китаев официально работал санитаром, а неофициально был наводчиком – высматривал в больнице одиноких стариков, в домах и квартирах, в которых можно было пожить. Частенько пожилые больные рассказывали все подробности своей жизни улыбчивому парню с лицом Иванушки-дурочка, пока тот намывал палату. За небольшую плату знакомая медсестра в приёмном покое делилась с Китаевым адресами нужных старичков, а иногда удавалось достать и ключ. В этот раз так и было – старик умер от инфаркта, но за вещами никто не пришел. Труп отправили в морг, а вот в вещички слазил Сашка, разжившись ключом и пропиской из паспорта.

В доме стоял удушливый запах зверинца, Сашка боялся, что из углов на них бросятся собаки или еще какие звери. Судя по запаху, старик медведя дома держал, но в первой

комнате никого не оказалось. Китаев кивнул ему на сервант, а сам пошел дальше, у него был нюх на «зачапки» и схроны. Два Сашки промышляли воровством с детства, ездили с частного сектора в Ляхово в центр города и целыми днями слонялись по улицам, высматривая, что где плохо лежит. Так что к двадцати годам уже имели большой опыт и наметанный глаз. Сашка залез в сервант, там ничего дельного не оказалось – бар дед использовал под аптечку, а на полках лежали старые журналы, платежки и бесплатные газеты с рекламой. За стеной выругался Китаев.

– Эй, иди сюда.

Сашка прошел в следующую комнату и замер – тут было гораздо интереснее: вдоль стен стояли книжные шкафы, на полу тоже была гора из книг, а между ними сохли пучки с травой и целые веники.

– Ого, сколько книг.

– Макулатура, сюда смотри.

Китаев показал на одну из стен. Ничего особенного Сашка там не увидел: полки, книги, только на одной стоит металлическое распятие на подставке, но видно, что обычный новодел из церковного киоска, рублей пятьсот стоит.

– Слепошара. – Буркнул Китаев, подошел и дернул за полку, та оказалась частью замаскированной двери. – Ну все, если и есть что ценное, то там. А непростой дед оказался.

Китаев скрылся внутри, а Сашка успел сделать шаг к двери, как раздался вопль ужаса, и братан вернулся. Лицо у него

было бледным.

– Чего там? – спросил Сашка. – Труп, что ль?

– Сам посмотри. Дедок с большим «приветом» был.

Сашка подошел к двери и заглянул осторожно внутрь. В нос ударил мерзкий запах человеческих испражнений и тухлой еды. За дверью оказалась кладовка без окон, в углу которой стояла самодельная клетка, сваренная из толстых прутьев арматуры. Свет из большой комнаты позволил рассмотреть, что в низкой маленькой клетке на карачках сидел голый мужчина, лицо его закрывали длинные свалывшиеся патлы. В клетке была маленькая дверь, на которой висел амбарный замок. Прикинув размер двери, пришла мысль, что мужика в клетку засунули, завернув в ковер, ну или он оказался в клетке еще ребенком. Человек поднял голову, и в полумраке комнаты блеснули глаза.

– Помогите. – Прошептал мужик.

Сашка сбежал, отдышавшись в комнате с книгами. Он посмотрел на шарящего по полкам Китаева.

– Что делать будем?

– Сейчас деньги найдем и валим.

– А того чего? Ну нельзя же его так в клетке, да и старик помер, кто его выпустит?

– Ну родственники придут и выпустят, наше-то какое дело, нас тут как бы не было.

– А вдруг они через месяц придут, он же помрет уже.

– Слушай, ты его выпустишь, а он в полицию побежит,

те спросят, кто его выпустил. Думаешь, они поверят, что мы просто так в дом заглянули? Я ни разу не попадался и не собираюсь. О, смотри, какая коробочка, под книгу сделана. Вот они – наши денежки.

В коробке оказались документы: на дом; свидетельство о рождении Екатерины Батраковой, судя по дате и фамилии дочери деда, и её же свидетельство о смерти; старое удостоверение майора полиции и несколько пожелтевших фотографий.

– Денег нет. А дед-то бывший мент, не скопил, что ль? Пенсия, я слышал, у них хорошая. Да к черту, пойду, сервант изучу.

– Можно я книги возьму?

– Нафига?

– Они старые, такие могут дорого стоить.

– Вот всегда ты любил эту макулатуру, да бери, что хочешь, только сам потащишь и продавать сам станешь.

– Так что с мужиком в клетке делать будем?

– Вот пристал. Ладно, сам ему дверку откроешь перед уходом. Пока вылезет, мы далеко будем. Если, блин, нас поймают, всю вину на себя возьмешь.

Сашка пошел в комнату с книгами, стал вытаскивать и складывать в рюкзак самые старые в кожаных потертых обложках, на незнакомом языке. Сразу понятно, что книги непростые – на пожелтевших листах встречались загадочные рисунки, круги со странными знаками. Одна из книг оказа-

лась дневником хозяина, написанном лет десять назад, в середине заложённая фотографией девушки с младенцем на руках. Собрав книги, Сашка сходил к Китаеву, тот довольный сидел и пересчитывал пачку денег.

– В бачке унитаза нашел, ну вот кто им говорит, что это надежное место? Еще в вентиляцию слазил, но там пусто. Сто тысяч – неплохо, но, думал, больше будет. Все собрал? Уходим.

Китаев поднялся и пошел к выходу не оборачиваясь. Он свое дело сделал, теперь надо вернуться в родную нору и не попасться.

– Сейчас, я клетку только открою.

Сашка подхватил рюкзак и осторожно зашел в комнату с клеткой. Голый мужик лежал на полу и стонал.

– Пить.

Сашка стукнул себя по лбу – точно, если деда скорая сутки назад забрала, то этому никто воды и еды давно не давал. Сашка сбегал на кухню, взял там чайник с водой и вернулся к клетке. Ключ от навесного замка висел на гвозде, вбитом в дверь, там же висел собачий ошейник-строгач с металлической цепочкой. Сашка открыл маленькую дверцу и сунул туда чайник.

– Ну ты дальше сам как-нибудь. Мне бежать пора.

Сашка вылетел на улицу и побежал к станции, где они оставили жигули, надеясь, что Китаев не успел уехать. Иначе пришлось бы добираться домой на электричке. Повезло –

машина еще не прогрелась.

– А дом-то не топится, мы-то в одежде были, а голому на полу холодно. – Озарило замерзшего на улице Сашку.

– Слушай, отстань. Ты чего от меня хочешь, не я его там запер. Дед мертвый, а ты в полицию собрался звонить? – разозлился Китаев.

Сашка промолчал. Китаев завел машину, и они поехали домой. Жили они в старом доме, в полуподвальной дворницкой, переделанной под квартиру. Когда-то здесь жил старик-алкаш, бывший дворник, что по доброте душевной переписал на Китаева свою халупу. Дома Сашка вытащил книжки и отложил в сторону дневник. Ему не давали покоя мысли о мужике в клетке, в дневнике, возможно, об этом написано. Первая же запись в дневнике гласила:

«Катюшку изнасиловали. Не признается кто, пришла домой в разодранной одежде, вся в крови. Тонька плачет, говорит, не мучай дочь. Глупые бабы. Найду эту тварь и убью.»

Дневник, похоже, дед завел, чтобы пережить случившуюся в семье трагедию и записать все, что смог найти на насильника. Привычка собирать дело на преступника оказалась. Сашка пробежал глазами заметки и приложенные к ним выписки и документы.

«В отделе заставил отработать всех вернувшихся недавно сидельцев, живущих в нашем районе.» – к короткой записи скрепкой были приложены протоколы опросов, написанные сухим канцелярским языком. Пробежав текст глазами, Саш-

ка ничего интересного не нашел.

«Дочь говорит, что ничего не помнит. Вышла из института с подружками, дошла до остановки, а дальше все. Не верю. Проверил подруг.»

«Не удастся установить место, где это произошло. Других случаев в районе не было. Говорят, Катю видели у Силикатного.»

«Удалось разговорить Таню, одну из подруг. Они после института пошли на Силикатное, а там очередной гроб всплыл, его к берегу вынесло. Озеро-то на месте карьера появилось и подмывает место, где старое кладбище было. Девкам показалось, что оттуда темная фигура лезет, они испугались и убежали, а Катя отстала. Дуры бабы. Скорее всего божм решил в старом гробу сокровищ поискать.»

Чуть ниже кривая запись.

«Катька беременна.»

Дальше в дневнике записи появились через пару лет. Сашка сходил за кружкой чая. Хоть история в дневнике оказалась обычная и мерзкая, но затягивала, как чтение желтой прессы. Насильника Кати не нашли, а она родила мальчика.

«Сегодня смотрел на меня, когда я резал мясо. Любит такое. На улице поймал кошку и таскал за хвост, пока не отобрали. Нашел у помойки дохлую крысу и топтал, пока не превратил в кровавое месиво. Ему два, а мне страшно смотреть ему в глаза. От осинки не родятся апельсинки, тварь растет, как его отец.»

Похоже, дед любовью к внуку не проникся и видел в нем отца-насилльника любимой дочери. Мальчика стало жалко, Сашка знал, как трудно, когда в тебе видят только плохое, замечают любой промах. Помнил, как порола его бабка за любую оплошность, приговаривая, что выбьет из него дурь – «Для твоей же пользы, чтобы не вырос наркоманом, как отец.». Он и правда не стал наркоманом, но это не заслуга рубцов, оставшихся от солдатского ремня. Саша открыл дневник и продолжил читать.

«Тоня умерла.»

Сашка понял, что Тоня – жена деда, в дневник была вложена пожелтевшая свадебная фотография, с заломами на углах. На обратной стороне надпись: «Вадим и Антонина, 1963 год.».

«Этот залез ночью в гроб и сидел у Тони на груди. Кусался и царапался, когда я его нес матери. Сказал Катьке, чтоб не пускала его в зал. Эта дура только плачет.»

«Катька уходит из дома и где-то бродит. Приходит пьяная. Притащила мужика, выгнал. Орала, что я ей всю жизнь испортил и мать в могилу свёл. Этот смеялся.»

«Из садика пришлось забрать. Бьет детей. Поймал на территории кошку и разбил ей голову кирпичом, все дети плакали. Говорят, что нам надо на учет к психиатру. Пусть сидит дома, я за ним сам присмотрю, воспитаю. Катька опять где-то шляется.»

Дальше в записях снова наступил перерыв в пару лет. Су-

дя по датам, ребенку Кати исполнилось шесть.

«Скоро в школу. Катка хочет отдать его в интернат. Не слушается её, обзывает, когда меня не было, бросался на неё с ножом. Меня боится, когда я дома, ведет себя по-человечески, но смотрит так, что мурашки по телу бегут. Нельзя его в интернат. Другие люди не должны страдать.»

Сашка задумался: хорошо, что бабка не додумалась запереть его дома и все-таки отпустила в школу, а потом, как здоровье стало хуже, перестала следить, где он пропадает. Сашка помнил, как бабка сломала его велик, когда он слишком долго катался на нем по улицам. Сашка тогда тоже взял нож, перед глазами встала красная пелена. Велик был его единственной ценной вещью и памятью об отце. Он так и не кинулся на бабку, слишком сильно её боялся.

На улице стемнело, вернулся Китаев с пакетом продуктов и бутылкой. Завтра у него выходной, значит, будет сидеть слушать рэп и жрать водку. Надо постелить себе в кладовке, а то поспать нормально не получится, да и Китаев, как напётся, позовет Аньку, а под её стоны точно не уснешь. Пока Китаев готовил ужин, Сашка решил читать в комнате на удобном диване.

Следующая запись в дневнике была написана крупными печатными буквами

«Все сохнете. Я вырву вам сердце»

Сашка вздрогнул и быстро прочел запись на другой странице

«Эта тварь нашла мой дневник. Договорился о надомном обучении. Ночью он не спит, бродит по квартире. Застал его с ножом у кровати пьяной Катьки. Все ножи спрятал. Рычал на меня и скалил зубы. На минуту показалось... Да нет, просто нервы сдают.»

Через неделю в дневнике появилась короткая запись.

«Он её убил.»

По спине Сашки пробежали холодные мурашки. Он вздрогнул и услышал, как у окна что-то зашуршало. Царапнуло по стеклу. Правда, тут же на кухне ударили басы и задребезжала портативная колонка, выплевывая слова:

«Я верю в свой путь, я верю в свой знак.

Я знаю, что суть не закрыть в автозак.

И пусть в темноте нас правда ведет.

Бесы все в суете, скоро солнце взойдет.».

Сашка поднялся с дивана, собирая книги, и ушел в кладовку. Застелив матрас на полу, он достал припрятанную бутылку колы и пачку семечек. В кладовке было уютно: в углу свалены стопки книг; на стенах наклеены плакаты из сериала «Очень странные дела». Раньше у Сашки никогда не было своей комнаты. Когда им досталась эта квартира, он сразу занял кладовку, вытащив на помойку три мешка скопившегося здесь хлама. Расположившись на матрасе, Сашка посмотрел на стопку книг – там сверху лежал том Ведьмака, но последняя прочитанная фраза в дневнике манила и звала узнать продолжение. После слов об убийстве дочери дед ис-

писал карандашом пару листов.

«Сменял квартиру на частный дом, уволился. Надо кому-то приглядывать за этим. Сходил с ним к психиатру – тот говорит, что все в норме, посоветовал поработать с психологом. Вчера сбежал из дома, пока я задремал, вернулся весь в крови. Сказал, что убил собаку.

Я человек неверующий – коммунист, но следовательно, а, значит, против фактов идти не могу. Вспомнил, как умерла Тоня. Накануне этот её напугал. Мне Тоня сказала, что соседка пришла из церкви и зашла в гости, так этот увидел гостью и принялся выть, а потом бросился на соседку с ножом. Тоня хоть и была неверующая, а стала говорить мне про одержимость и решила сводить этого в церковь. Я назвал её глупой бабой, но махнул рукой – пусть для своего спокойствия сводит. Утром ушел на работу, в обед позвонила дочь и сказала, что Тоня умерла. После вскрытия сообщили тромб. На похороны этого не брали, да и не до него было.

Катя умерла после того, как пьяная начала угрожать этому, что сдаст в милицию и орала; «Это ты мою мать убил! Демоново отродье!». Он орал: «Ты меня предала! За это ты содохнешь!». Катя тогда его сильно избивала ложкой для обуви, пришлось оттаскивать, чтобы не убила. После вскрытия сказали, что Катя покончила с собой: наелась лекарств, и началось внутреннее кровотечение. Умирала долго и в муках, но почему-то не позвонила ни в скорую, ни мне. Этот смеялся, напугал приехавших врачей скорой.

Повез его в церковь, сказал: в магазин за игрушками. Как увидел купала, начал орать, укусил за руку и убежал. С трудом успел его поймать. Вернулись домой, смотрел на меня, как смотрит бешеная собака прежде, чем броситься и вцепиться в горло. Запер в комнате, а сам начал друзей обзывать, может, у кого знакомые попы есть, чтобы домой пригласить. Пашка обещал прислать толкового человека разобраться. Явился молодой парень, правда, в рясе, отец Андрей. Начал читать по своим книжкам, этот верещал и вырывался, кусал меня за руки, весь в моей крови перемазался. Не помогло – священник сказал, что такого раньше не встречал, но, похоже, сам ребенок и есть демон, или отец его демоном был. Чтобы такого демона выгнать с этого плана, надо лишить его вместилища. Если простыми словами, то тело убить надо, потому что оно – бездушный сосуд для существования демона в этом мире.

Когда он ушел, я долго думал. Убить внука не могу – вдруг ошибся, может, гены у него такие просто, раз отец насильник. Не верю я в демонов, в церковь пошел от безысходности. Правда, отец Андрей сказал перед уходом: «Чувствую, что есть в вас сила, такие, как Вы, раньше могли договора с демонами заключать и держать их под контролем. Но сейчас никто Вас этому не обучит, как подрастет ребенок, вы его больше сдерживать не сможете, не сумеете.»

Проводил я попа. Дал он мне святой воды и сказал добавлять везде, чтобы сил демона лишить. Этот воду чувствовал,

выл и царапал стену, если добавить ему в питье или в еду, то кидал тарелку и стакан в стену и начинал выть. Много я думал и купил упаковку арматуры и сварочный аппарат, в сарае стал варить клетку.»

Сашка дернулся, по спине пробежали неприятные мурашки. Он понял, кто сидел в клетке. Сколько же лет старик продержал внука взаперти в небольшом пространстве кладовки. Не повезло парню с родственниками: бабушка умерла, мать спилась, а дед оказался параноиком и, похоже, на старости лет сошел с ума, возомнив себя демонологом. Сашке повезло чуть больше, вовремя сбежал от сбрендившей бабки и на улице прожил всего пара летних месяцев, пока не встретил Китаева. Тот, заметив, как ловко Сашка спер колбасу в магазине, предложил дружить и позвал жить к себе.

Саша прислушался, со стороны кухни раздавались какие-то мерные удары и вскрики. Похоже Китаев с Анькой в раж вошли, лучше не высовываться. Дневник Сашке читать надоело, и так понятно, чем все кончилось, результат дедовой шизы он видел лично. Он решил полистать книжки из дедова запаса. Вдруг сможет что-то прочесть. Книжки ничем не порадовали, лишь в одной 1900 года издания ему удалось прочитать текст:

«Пособія по борьбѣ съ нѣжитью и нѣчестью.

Если встрѣтятся тѣбѣ вурдалакъ осѣни сѣбя крѣстнымъ знамѣньемъ и брось ему въ морду горсть могильной зѣмли съ освященнаго кладбища. Потѣряетъ онъ тѣбя изъ виду, бѣги

въ святое мѣсто, гдѣ укройся.

Если встрѣтится тѣбѣ мѣртвѣць ходячій, не упокоенный, отпугни аго живымъ огнѣмъ.

Если встрѣтится тѣбѣ вѣдьма, двоѣдушникъ или дѣмоново отродье, то читай молитву и окропи святой водой. Ежѣ ли нѣтъ у тѣбя водѣ, то брось тварі подѣ ноги сѣмянѣ мѣлкихъ и тварь прімітсѣ их пѣрѣсчитывать, а ты бѣги и прячьсѣ въ цѣркви или на святой зѣмлѣ.»

От попытки понять текст заныли виски, и Сашка отложил книгу в сторону. Его удивила тишина в квартире, похоже, Китаев и Анька утомились и пошли спать, можно попробовать пробраться в туалет и на кухню за остатками пельменей. Тут дверь кладовой содрогнулась и слетела с петель, врезавшись в стену. На пороге стоял голый мужик. Все его тело было в крови, длинные спутанные волосы закрывали лицо, но даже через них было видно горевшие красным глаза. В руках мужик держал окровавленный молоток с налипшими на боѣк длинными светлыми волосами.

– Ну привет. Не ждал? А я вот мимо шел и решил зайти, за спасение и водичку поблагодарить. Друга твоего уже отблагодарил.

Сашка отполз к стене и сжался. Под руки попалась пачка семечек. В голове заметались мысли, а дед то был прав – это не человек. Правда эта была неприятная и ничего не давала, маньяк этот или демон, он уже убил двух человек и собирается убить Сашку.

– А знаешь, убивать мелкого безоружного пацана скучно. Лови. – Демон бросил Сашке молоток.

Когда тот машинально поймал инструмент за скользкую от крови ручку, демон засмеялся.

– А теперь я расскажу тебе, как все было. Тебя изнасиловал твой сожитель и ты отомстил, забив его и его подругу молотком, а потом свел счеты с жизнью. – Продолжая мерзко хихикать, сказал демон. – Как хочешь самоубиться? Я люблю кровь, но как мой спаситель ты можешь выбирать. Например, удушение или газ. Газ предпочтительнее, меньше улик и много жертв, если устроить взрыв. Бум!

Сашка посмотрел на молоток в руке, вот черт, отпечатки. Этот хитрый гад его подставил.

– Послушай, если бы не я, ты бы умер в клетке. Наши жизни во многом похожи, но мне повезло сбежать от своей сумасшедшей бабки. – Сашка говорил, а в голове крутилась мысль, что-то он только что читал о спасении от демона. «Демоново отродье»

– Нет-нет. Ты не понимаешь разницу в нас. Ты можешь покаяться, и Бог простит, потому что плоть человека слаба, она может ввести его во грех. У демонов не так – все что мы делаем, мы делаем осознано, никакая плоть на нас не влияет. Мы настоящий венец творения, а вы просто грязь. Но хватит разговоров, время вышло. Я выбираю газ, тем более я его уже включил. – Демон снова захохотал. – Как же я скучал по всему этому.

Теперь Сашка почувствовал, что в кладовке действительно запахло газом. Нужно было что-то решать. Взгляд упал на пакет семечек. Точно! Семена, «демоново отродье». Он схватил пачку и швырнул горсть семечек под ноги твари. Мужик зыркнул на Сашку горящими глазами и бросился собирать рассыпанное.

– Не думай, что это тебе поможет. Я тебя все равно найду. – Зашипел демон раздраженно.

Сашка подхватил книжку по борьбе с нежитью и бросился из кладовки, высыпав на ходу остатки семечек в коридоре. Пробегая мимо кухни, он увидел брызги крови на плитке и окровавленный комок из двух тел на кухонном столе. В глазах потемнело от ужаса. Он на ощупь нашел замок на входной двери и вывалился в подъезд. Выбежав на улицу, Сашка закрутил головой, святое место поблизости было только одно – Бугровское кладбище, где стояла маленькая часовня. Сашка бросился туда, не обращая внимания, как мерзнут ноги в носках и обжигает холодный ночной ветер сквозь тонкую футболку. На кладбище не горели фонари, Сашка на ощупь пробирался меж плотно расположенными могилами, придерживаясь тех, на которых стояли кресты. Часовня находилась недалеко от входа и напоминала каменную беседку с крестом на островерхой крыше. Сашка, ежась от холода, замер внутри, не зная, что делать дальше. Телефон он забыл, а что написано в прихваченной с собой книге, в темноте не было видно. Сашка начал молиться, выдумывая слова: «О,

великий Господь Бог, помоги, спаси от страшной твари, я больше не буду грешить». Он пришел к выводу, что раз если есть демон, то есть и Бог, но с той стороны никто не ответил. Возможно, сначала надо было покаяться в грехах, чтобы Боженька вспомнил о существовании Сашки. За спиной что-то скрипнуло и зашуршало. Порыв ветра взметнул сухие листья на дорожках кладбищенской аллеи. Сашка почувствовал, что тело уже не может согреться и клацая зубами начал растирать сведенные руки. Получается, побег на кладбище оказался бессмысленным. Страх гнал его сюда, как зайца, но есть ли разница как умереть от рук демона или замерзнув насмерть? Хотя замерзнуть не так больно. Опять зашуршало, Сашка оглянулся и увидел пару горящих огоньков, приближающихся к беседке. Он проглотил рвущийся наружу вопль, когда огоньки стали ближе, и он рассмотрел крупную бродячую собаку.

– Сука, напугала... – сквозь зубы прошипел Сашка.

Собаку ночной посетитель кладбища тоже удивил, и она попятилась назад, но потом набралась смелости и гавкнула. Сашка понял, что пес считал часовню своим домом, присмотревшись привыкшими к темноте глазами, он заметил сваленные в углу тряпки, кто-то позаботился о собаке, соорудив из старой одежды лежанку. Сашка бросился к куче, ему повезло – в самом низу лежало старое драповое пальто, пропахшее псиной, но теплое и целое. Пес зарычал – ему не нравилось, что чужак трогает его вещи.

– Собачка, не ругайся, я только пальто возьму.

Сашка начал складывать тряпье обратно, но руку что-то больно кольнуло. Это оказалась берцовая кость, обломанная с одной стороны так, что стала напоминать острый стилет.

– О, заточка. – Сашка решил, что даже такое оружие лучше, чем ничего. Да и пролежало на освященной земле, похоже, долго, вдруг против демона поможет не хуже святой воды.

Собака оскалилась – воровство кости ей не понравилось. Сашка решил, что смысла торчать дальше на холоде нет, и отступил назад, осторожно отходя от псины, пока не оказался за пределами часовни. Изгнание чужака из родного дома собаку успокоило, и она ушла спать на свою лежанку, недовольно гавкнув в спину уходящего человека. На дороге стоял автомобиль, рядом курил мужик. Он вздрогнул и витиевато выматерился, когда Сашка перебрался через ограду кладбища.

– Дядь, я живой. Не бойся, заблудился немного.

У мужика оказались крепкие нервы, да и Бугровское кладбище было в центре города, иногороднему вполне можно с пьяни перепутать с парком.

– Как в анекдоте, блин. Вышел посать, покурить, а тут такое чудо с кладбища лезет. «Не бойся, я и сам боялся, когда живым был.» Пфу. – Мужик сплюнул и сильно затянувшись, выкинул сигарету. – Тебе куда, болезный, заказов пока нет, я уж домой спать хотел ехать.

– Денег у меня нет. – Сразу признался Сашка. – Но если подбросите поближе к Мызе, то я рад буду.

– Я тебе номер телефона дам, потом переведешь. По глазам вижу – честный.

Сашка залез в теплый салон автомобиля, в замерзших ногах сразу начало покалывать. Они поехали в сторону проспекта Гагарина, когда из темноты на дорогу вышел мужик.

– Друг, что ль, твой? Или мне везет сегодня на чудиков, – сказал, останавливая машину таксист.

По спине у Сашки поползли мурашки поднимая волосы. В свет фар вышла окровавленная фигура с горящими красным глазами.

– Это что за хрень?! – снова выругался таксист и попытался сдать назад, но двигатель взвыл и заглох.

Сашка нащупал в кармане кость. Таксист вытащил из кармана электрошокер и нажал тревожную кнопку в приложении. Раздался звонок, но тут же оборвался, экран смартфона и освещение в салоне погасли, фары последний раз мигнули, освещая приближающуюся к машине фигуру, и наступила темнота, в которой светились красные точки глаз демона.

– Эй ты! Куда прешь, наркоман? – успел сказать таксист, вылезая из машины на встречу мужику.

Рука демона дернулась и взметнулся веер кровавых брызг. Труп таксиста упал на асфальт. В этот раз орудием убийства оказался разделочный нож для мяса с кухни Китаева. Похоже, и это убийство менты запишут на Сашку. «Подставить

меня хочет, гад.» – мелькнуло в голове, и перед глазами упала красная пелена ярости. Сашка перехватил кость и бросился на демона, тот стоял, ухмыляясь, не видя в хлипком пареньке угрозы. Когда костяной стилет вошел под ребра твари, глумливое хихиканье сменилось диким воплем. Демон попытался ударить Сашку ножом, но лезвие почему-то не смогло пробить толстый драп пальто, только скользнув по нему, словно это был лист железа. Кость обломилась, когда тело демона рухнуло под ноги Сашки. В небо взвилось темное облако мелкой мошкары и сложилось в темную крылатую фигуру.

– Не знаю, где и как ты достал кость святого мученика, но я найду новое тело и вернусь за тобой. – Прогремело в голове.

Мушки прыснули в стороны, Сашка прикрыл от них лицо. Когда все кончилось, он оттащил тела таксиста и демона в кусты и сел в машину. Такси он бросил на проспекте Гагарина, а сам пешком отправился по Ларина. Там был дом его бабки, её похоронили год назад, в наследство Сашка так и не вступил, потому что для этого нужно было подать на розыск отца и признать его безвестипропавшим или мертвым. Сашка послушал нотариуса и плюнул, жил он без бабкиного наследства и дальше проживет, но сейчас это оказалось единственное место, куда он мог пойти.

Запасной ключ бабка всегда прятала в поленнице бани. В доме пахло гнилыми яблоками, кисло и тошнотворно. Внут-

ри ничего не изменилось: стенка советского времени, складной диван и телевизор на тумбочке, накрытый кружевной накидушкой от пыли. В углу висела запыленная икона с лампадкой. Сашка нашел на кухне коробок спичек и бутылку масла и, сдув с лампадки и иконы пыль, зажёл. Так стало спокойнее. Пальто он бросил в прихожей, остаток кости осмотрел и решил, что стоит снова заточить обломанный край. Надо было думать, что отвечать полицейским, когда его найдут. Решил, что расскажет все как есть, лучше сесть за воровство, чем за убийства. Про демона, конечно, говорить не стоит, но то, что, просидев десять лет в клетке, внук сошел с ума – очень даже логично.

На утро Сашка решил, что стоит самому сходить в полицию, но перед этим заехать на кладбище, прихватив кусок колбасы для собаки в благодарность за такую полезную кость. В часовне оказалось пусто и чисто, ни собаки, ни тряпок. Недалеко сухонький старичок в безрукавке из черного меха мёл, опавшие за ночь, листья.

– Здравствуйте. А собаку выгнали? – спросил Сашка.

– Какую собаку? – удивился старик, с подозрением оглядывая Сашку.

– В часовне которая жила.

– Да ты что? Кто разрешит собак тут разводить? У нас батюшка по праздникам приходит, он грязь не любит. Да и поминать придут, нажалуются.

– Значит, никакой собаки тут не бегают, черная такая лох-

матая?

– Чур меня. – Дворник перекрестился. – Ты когда видел? Если затемно, то наши говорят, что это хозяин кладбища своих гонцов следить за порядком отправляет.

Сашка передернул плечами – не хватило ему демона, еще и хозяин кладбища какой-то. Надо будет книгу про нечисть дочитать все-таки. Он еще раз глянул на часовню, обернулся к дворнику, чтобы спросить про кость, но того не было. На куче сметенных листьев сидел черный кот и мыл лапой морду. В голове кто-то захихикал и старческий голос прошелестел.

– Пальтишко моё сбереги, пригодиться еще.

Страшная ночь вывернула жизнь Сашки на изнанку, и та похоже не собиралась становиться прежней.